

# СОЦИАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ: РЕАЛЬНОСТЬ И МЕДИА-ОБРАЗЫ

## Юридические парадоксы борьбы с террористами

**Федор КРАВЧЕНКО, юрист АНО "Интерьюс"**

Хотелось бы обратить внимание на причудливые переплетения права и PR, которые происходили еще в конце 90-х годов. Раньше слово "террорист" по отношению к чеченцам звучало крайне редко, и его употребление в таком контексте было неорганичным. Потом вдруг, внезапно чеченских сепаратистов начали называть "террористами". Началось это с государственных СМИ, а потом распространилось по остальным средствам массовой информации. Для меня как для юриста это казалось несколько странным, потому что в Уголовном кодексе есть четкое определение понятия "терроризм", но значительно больше к тому, что делали чеченские сепаратисты, подходили составы совершенно других преступлений - таких, как "вооруженный мятеж", "организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем", "публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности", "организация экстремистского сообщества", "бандитизм", наконец "убийство".

Строго юридически, сепаратизм, даже использующий оружие, терроризмом не является - для него в УК предусмотрены специальные статьи. Есть масса статей, которые напрямую подходят к чеченским боевикам, но выбрали вдруг ту, которая может относиться к ним лишь косвенно. Давайте постараемся отвлечься от привычного штампа и решить, что в большей степени отражает суть деятельности чеченских боевиков.

Организация вооруженного мятежа либо активное участие в нем в целях свержения или насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации либо нарушения территориальной целостности Российской Федерации - что в терминологии УК признается "вооруженным мятежом"?

Или "совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях" - что как раз и является определением терроризма?

Первое определение ("вооруженный мятеж") в данном случае гораздо более уместно.

Теперь необходимо задаться главным вопросом: с какой целью чеченские "сепаратисты-боевики-мятежники" были названы "террористами"? Очевидно, это было сделано для того, чтобы стало возможным использование в Чечне норм Федерального закона "О борьбе с терроризмом".

Закон "О борьбе с терроризмом" - чрезвычайно удобный правовой механизм, позволяющий спецслужбам делать на определенной территории все, что они хотят. При проведении "контртеррористической операции" (это тоже термин того Закона, вброшенный в средства массовой информации и ставший теперь привычным клише) допускается произвольно ограничивать права граждан.

Даже при введении чрезвычайного положения можно ограничивать лишь отдельные конкретные права, указанные в акте о его введении и лишь на жестко ограниченный и четко определенный срок. Пролонгация этого срока возможна исключительно с

одобрения парламента. Предусмотрен перечень прав, которые не могут быть ограничены даже при введении чрезвычайного положения.

Таким образом, Закон "О чрезвычайном положении" для борьбы с чеченскими сепаратистами федеральным властям "не очень подходил".

Тогда на территории целого субъекта Российской Федерации стал применяться Закон "О борьбе с терроризмом". Я утверждаю, что это - категорически неправильное применение данного Закона. Это применение Закона не в той ситуации, для которой он был написан. Зато это очень удобно.

В Законе "О борьбе с терроризмом" есть статья 15. Она касается распространения информации о ходе контртеррористической операции. Например, она говорит о том, что без разрешения руководителя штаба контртеррористической операции сотрудники контртеррористической операции не вправе распространять какую-либо информацию о ней. Это вполне понятно и обоснованно. А вот дальше говорится о том, что вся информация о проведении контртеррористической операции распространяется с разрешения начальника штаба по проведению контртеррористической операции. Очевидно, что в этом Законе вообще нет места тем статьям, которые регулировали бы деятельность гражданских лиц, за исключением того, что их права можно ограничивать в зоне проведения контртеррористической операции. А в нашей ситуации статью, явно предназначавшуюся для сотрудников штаба, стали применять к журналистам и толковать таким образом, что если вдруг начальник штаба возражает, то никакая информация выйти за пределы не должна.

Отсюда появилась "аккредитация в Чеченской Республике". Это тоже в некоторой степени извращение, потому что аккредитация - это правовой режим, применимый, согласно действующему Закону "О средствах массовой информации", в отдельном органе государственной власти, в отдельной организации, в крайнем случае - на отдельном мероприятии. Аккредитация же "в Чечне" - явление уникальное, это - аккредитация в целом субъекте РФ.

Кроме того, эта "аккредитация" стала использоваться в целях, прямо противоположных своему назначению. Институт аккредитации призван расширять права аккредитованных журналистов. У журналиста есть определенный набор прав, но если он аккредитован - он приобретает дополнительные права.

В случае же с аккредитацией в Чечне - все наоборот. Если журналист аккредитован, то у него есть некоторое количество ограниченных прав, а если не аккредитован - прав нет вообще.

Силовики ссылаются на то, что в полном соответствии с Конституцией РФ могут "ограничивать права и свободы" граждан. Но если вводится цензура - это уже не ограничение "прав и свобод". В статье 29 Конституции закреплено: "Цензура запрещается". Это не право и не свобода, это - конституционный запрет, однозначный и категорический. И поскольку он не является "правом или свободой", нормы Конституции, касающиеся случаев правомерного ограничения "прав и свобод", к нему не относятся - его отменять нельзя. Право на свободу слова можно ограничить, а ввести цензуру - нельзя.

Любой журналист при поддержке юристов мог бы взять билет в Чечню, прилететь туда, взять интервью у боевиков, у всех, кто хочет с ним разговаривать, и дать эту информацию в своем СМИ, не неся за это ответственности. Что происходит на самом деле? Тем СМИ, которые публиковали интервью с террористами, стали выносить предупреждения, опираясь на статью 4 Закона "О СМИ" - "Недопустимость злоупотребления свободой массовой информации". На мой взгляд, это опять-таки

абсурдная ситуация, потому что отсутствует вступившее в законную силу решение суда о том, что лицо, интервью с которым было опубликовано, совершило то или иное преступление. Тем более что тексты интервью, как правило, были достаточно нейтральны. Некоторые политические лидеры допускают гораздо более жесткие высказывания в смысле, допустим, разжигания национальной вражды.